

ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?

Понятие «Просвещение» возникло именно в XVIII столетии, причем этот термин и его производные у разных европейских народов имели свою собственную судьбу, свои собственные коннотации. Французы избрали слово «Lumières», которым обозначили атмосферу эпохи, движение чувств и идей. Немцы прибегли к неологизму «Aufklärung», подразумевавшему абстрактный интеллектуальный демарш. Их примеру позднее последовали англичане, предложив понятие «Enlightenment». Итальянцы и испанцы вначале пользовались словами «lumi» и «illuminati», «luz» и «ilustrados», а уж затем ввели в оборот «Illuminismo» и «Ilustración». В любом случае все эти слова содержали одну и ту же метафору – образ света, пробивающегося сквозь тьму. Свет во все времена символизировал добро, добродетель и знание, а тьма – зло, порок и невежество. Если поначалу речь шла о просвещении светом религии – постижении божественной истины, то затем на первый план выдвигается другой свет, о специфике которого мы можем судить, например, уже по названию посмертно опубликованного известного текста Декарта – «Разыскание истины посредством естественного света, который сам по себе, не прибегая к содействию религии или философии, определяет мнения, кои должен иметь добропорядочный человек относительно всех предметов, могущих занимать его мысли, и проникает в тайны самых любопытных наук» (1701).

В начале 1780-х годов в Пруссии разгорелась полемика о сути Просвещения и его пределах. В 1780 г. по инициативе Фридриха II Берлинская академия наук и изящной словесности объявила конкурс на тему «Полезно ли для народа обманывать его, либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных заблуждениях?» Победителем был признан математик И. Кастильон, который пришел к следующему выводу: «Учитывая существующий моральный и культурный уровень народа, обман его либо же оставление его в неведении относительно намерений, целей и поступков власть имущих является морально правильным при условии, что действительно служит причиной его счастья». Эта тема получила развитие на страницах журнала «Berlinische Monatsschrift». Новый виток полемики спровоцировала редакционная статья И.Э. Бистера о возможности гражданского брака для людей «просвещенных» и необходимости церковного оформления брачных уз для всех остальных. За статьей Бистера в декабре 1783 г. последовала возмущенная реплика берлинского пастора И.Ф. Цёльнера. Придерживаясь вполне «просвещенных», но умеренных взглядов, Цёльнер сокрушался по поводу прискорбного падения нравов и распространения безбожия под

влиянием французского образа мыслей, прикрывающегося именем Просвещения. В примечании к своему тексту пастор сформулировал знаменитый вопрос «Что такое Просвещение?» В сентябре 1784 г. на него ответил «немецкий Сократ», основоположник еврейского Просвещения – Гаскалы – М. Мендельсон, который подробно проанализировал понятия «Aufklärung», «Kultur» и «Bildung». Он считал, что последнее аккумулирует в себе первые два и означает такое развертывание человеческих способностей, которое «не сводится к чисто интеллектуальным моментам» (Aufklärung), но нацелено на целостное становление человека и общества. При этом именно «Aufklärung», по его мнению, призвано было научить человека должным образом пользоваться своим разумом. Эту мысль независимо от Мендельсона развил И. Кант, который в том же журнале опубликовал в декабре 1784 г. свой не менее знаменитый ответ на тот же вопрос. «*Просвещение*, – писал Кант, – *это выход человека из состояния своего несовершеннолетия*, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого». Причина несовершеннолетия по собственной вине «заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. *Sapere aude!* – имей мужество пользоваться собственным умом! – таков, следовательно, девиз Просвещения. (...) Если задать вопрос, живем ли мы теперь в *просвещенный век*, то ответ будет: нет, но мы живем в *век Просвещения*». Суть Просвещения и одновременно его задачу Кант видел в постепенном развитии свободы мысли, которое, воздействуя на «образ чувствования» народа, постепенно подготовило бы его к «свободе действий» и оказало бы благотворное воздействие на «принципы правительства». В любом случае Просвещение представлялось Канту скорее сложным процессом, полным противоречий и далеким от завершения, чем неким набором готовых постулатов, вполне поддающихся однозначному определению. Не случайно Ю. Хабермас и М. Фуко считали определение Канта одним из высших проявлений рефлексии Просвещения.

Между тем в исторической науке Просвещение долгое время рассматривалось как относительно однородный идейный блок, как некий доктринальный канон, содержание которого поначалу тесно увязывалось с трудами великих мыслителей – от Локка до Юма, от Монтескье до Руссо, от Лейбница до Канта; затем оно распространилось и на так называемую «периферию» Просвещения – идеи и деятельность их последователей в Италии, Испании, Португалии, Польше, России, на Балканах... Это восприятие было во многом связано с традиционным взглядом на Просвещение сквозь призму Французской революции. Оно родилось еще в годы самой Французской революции, нуждавшейся в идеологическом обосновании, и закрепилось в XIX в., для которого эта революция стала важнейшей точкой отсчета. Этот подход получил новый мощный импульс в XX в., поразившем мир новыми, невиданными по масштабу революциями, диктатурами и мировыми войнами. Независимо от того, поднималось ли Просвещение на шит как «философская революция» (Э. Кассирер), космополитическое идейно-политическое движение, возглавлявшееся интеллектуалами-реформаторами (Ф. Вентури), или же осуждалось за манипуляцию массами (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Р. Козеллек), постоянное (вольное или невольное) соотнесение Просвещения с

Революцией и ее последствиями неизбежно приводило к упрощению – в нем искали и находили черты, либо роднящие его с эпохой великих социальных потрясений, либо свидетельствующие о принципиальных различиях между ними.

Ситуация начала меняться с развитием нового направления – социальной истории Просвещения. Оно явилось плодом взаимодействия социально-экономической истории Старого порядка (Л. Февр, Э. Лабрусс, Ф. Бродель) и литературоведения (школа Г. Лансона), обогатившегося отдельными элементами истории, психологии и социологии. Именно социальная история позволила историкам Просвещения в 70-х годах XX в. выйти за рамки традиционной истории идей, рассматривавшей этот феномен только в связи с Французской революцией. Сторонники нового направления отказались от привычных методов исследования, в основе которых лежал анализ отдельных идей или событий, а предпочтение отдавалось изучению взглядов наиболее крупных авторов, отраженных в их наиболее известных трудах. Они сосредоточили внимание на обществе, на его экономических и культурных механизмах, учитывая при этом концептуальные и ментальные возможности эпохи, а также разницу между контекстом, в котором те или иные идеи рождались, и тем контекстом, в котором они циркулировали. Взаимодействие различных уровней исторической реальности (социального, экономического и культурного), взаимоналожение различных периодов исторического времени, учет фактора *longue durée* – все это стало предметом специального осмысления. Историки стали изучать ментальности, взаимоотношения между различными социальными группами и интеллектуальную продукцию при помощи прикладных количественных методов, используя серийные источники (например, серии архивных документов, относящихся к коллективным феноменам или систематически воспроизводимым ситуациям). Новые подходы доказали свою плодотворность – так, новаторский труд Р. Дарнтона об издательской судьбе «Энциклопедии» и ее читателях, исследование Д. Роша о провинциальных академиях открыли перед историками совершенно новые перспективы изучения Просвещения.

В 1980-е годы в исторической науке началась общая переориентация подходов, в самой гуще которой, по точному наблюдению В. Ферроне и Д. Роша, оказалась «новая культурная история Просвещения». «Глубинным истоком этой переориентации, – пишут они, – было осознание очевидной ограниченности возможностей интеллектуальной и социальной истории в том виде, в котором они до сих пор существовали. Интеллектуальная история отдавала явное предпочтение изучению творческого сознания индивида или активных интеллектуальных элит, рассматривая их в полном отрыве от ментальных структур эпохи. Это вело, с одной стороны, к переоценке функции идей в истории, а с другой – к недооценке коллективных механизмов производства и распространения этих идей, к пренебрежению институциональным контекстом и условиями формирования мыслительного стиля эпохи. Что касается социальной истории, она уделяла повышенное внимание социальным структурам, бессознательной и серийной составляющей менталитета, но в результате исследователи совершенно забыли о значимости процесса изменения и инновации, о том, какую роль играло не только производство, но и индивидуальное творческое потребление продуктов культуры». Современ-

ный историк не желает более рассматривать культуру как преимущественно интеллектуальный феномен, связанный с деятельностью элит, ни следовать схеме «народной культуры» как «экзистенциальной техники защиты личности от гнета повседневной реальности и отрицательного опыта». Культура охватывает весь социальный горизонт и «предстает перед глазами историка как структура, которую он анализирует с точки зрения динамики взаимоотношений между практиками и представлениями». Историки обращают все большее внимание на циркуляцию ценностных категорий, понятий и символов, которая приобрела в XVIII столетии особый размах на фоне ускорившихся процессов перемещения товаров и людей. «Учет этих факторов (...) позволяет материализовать взаимоотношения между происходившими в обществе трансформациями и перемещениями, с одной стороны, и духовными и философскими сторонами бытия – с другой. Появляется возможность проследить эти трансформации, то всматриваясь в непосредственные изменения материальной среды, то изучая новые формы общения, влиявшие на формирование публичного пространства, то анализируя способы усвоения новаций отдельными людьми и социальными группами – способы, отражавшие эволюцию отношений коллективного и индивидуального, публичного и частного начал».

Современная наука рассматривает Просвещение как особую культурную эпоху, как самостоятельный культурный объект, как «исторический мир», который необходимо изучать и реконструировать. Рош и Ферроне говорят о Европе эпохи Просвещения как о «специфическом операционном поле рационализирующего дискурса и рационализирующих практик, которые характеризовали процесс рождения нового способа осмысливать историю, мораль, политику (...) придали совершенно иное значение религии и искусству, перевели общение людей на особый язык символов и кодов, положив в основу практику свободы и систематическое публичное использование разума во всех областях». В следующих главах речь пойдет о наиболее существенных координатах и практиках этой новой культурной системы.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ВЛАСТЬ

ПОНЯТИЯ «АБСОЛЮТИЗМ» И «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современная историческая наука рассматривает XVIII в. как время становления государства современного типа, формирования базовых представлений об отношениях между властью и населением и в целом сферы политики в том виде, в каком они в основном сохранились до наших дней, будучи характерны для исторической эпохи, закат которой некоторые исследователи связывают с возникновением «информационного общества» и глобализацией конца XX – начала XXI в. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что рассматриваемые процессы эволюции государственных институтов и связанных с ними представлений даже на Европейском континенте в XVIII в. в разных странах шли с разной интенсивностью и имели свои особенности.

Ключевыми понятиями, используемыми историками при описании типов политической власти XVIII в., являются «абсолютизм»* и «просвещенный абсолютизм». Значение первого из этих терминов непосредственно связано с его происхождением: он зародился во Франции, где после 1614 г. и вплоть до 1789 г. не собирались Генеральные штаты и, таким образом, власть короля не была ограничена представительными органами. Именно такой тип политической власти, т.е. неограниченную монархию, и принято именовать абсолютизмом, и не случайно именно Франция XVII–XVIII вв. считается своего рода «классическим» примером абсолютной монархии, воплощенной в приписываемых Людовику XIV, но в действительности никогда им не произносившихся словах «государство – это я». Впрочем, теоретическое обоснование неограниченной монархической власти принято связывать с работами французского философа Ж. Бодена (1530–1596) и английского мыслителя Р. Филмера (ок. 1588–1653). Так, один из политических трактатов последнего прямо назывался «Патриарх: Защита естественной власти королей от неестественной свободы народа». Однако закрепление самого термина «абсолютизм» произошло в значительной мере под влиянием просветительской, а затем и революционной критики Старого порядка во Франции.

Несмотря на широкое распространение этого термина в исторической науке XIX–XX вв., при его применении к истории других стран Европы историки всегда сталкивались с определенными трудностями, что нередко порождало острые научные дискуссии. В конечном счете в историографии сложилось представление как о разных вариантах абсолютизма (например, западном и восточном), так и о его особенностях в разных странах, проявлявшихся в том числе в его различной исторической роли. Например, американский историк-марксист П. Андерсон полагал, что западный абсолютизм «был компенсацией за исчезновение крепостничества», в то время как восточный, наоборот,

* Термин «абсолютизм» появился в самом конце XVIII в.; до этого (уже в XVI в.) употреблялось словосочетание «абсолютная власть». См. также гл. «Традиции развития государственности: абсолютизм» (Всемирная история. Т. 3. М., 2013).

«средством консолидации крепостничества». Вместе с тем в современной историографии появляется все больше работ, авторы которых вообще сомневаются в продуктивности использования категории «абсолютизм» в качестве инструмента исторического познания. Так, по мнению специалиста по истории Австрии и германских государств раннего Нового времени Ч. Инграо, политический режим, подобный режиму Людовика XIV, нигде больше в Европе XVIII в. не существовал. Биограф этого монарха Ф. Блюш указывает на то, что образованными французами XVII–XVIII вв. абсолютная власть короля воспринималась одновременно и как ограниченная. Они не отождествляли абсолютную власть короля с деспотизмом, и Блюш отмечает, что его герою в практической деятельности приходилось сталкиваться с многочисленными преградами своей власти. Английский историк Дж. Блэк выделяет для европейских стран XVIII в. такие ограничения королевской власти, как сопротивление претензиям центральных властей, нередко слабый контроль монархов над своими правительствами, а также бытовавшие представления о пределах монархической власти. В особенности, по его мнению, подобные ограничения были характерны для больших стран Европы, где, как правило, существовал дефицит квалифицированных чиновников, коммуникации между отдельными частями страны были плохими, а большинство правительств испытывало недостаток в финансовых средствах. Ввиду неразвитости статистики, считает Блэк, центральным властям было трудно получить адекватную информацию о положении дел, из-за чего правители фактически оказывались в зависимости от местных властей и вынуждены были сотрудничать с наиболее влиятельными политическими силами. С тем, что «ни в теории, ни на практике власть... не была неограниченной или свободной от любых законов (*legibus solutus*), т.е. “абсолютной” в истинном смысле», согласен венгерский исследователь Е. Сюч, особо подчеркивающий неточность самого понятия «абсолютизм». Наконец, российский историк А.Н. Медушевский, с одной стороны, констатирует, что «абсолютизм предстает в историографии как общеевропейское явление, закономерная стадия развития государственности на всем европейском континенте», а с другой – солидаризируется с мнением немецкого исследователя Р. Виттрама, считавшего, что «абсолютизм» – это лишь «инструмент познания, нечто условное, идеальное, существующее только в воображении историка, а не в реальной жизни».

В свою очередь понятие «просвещенный абсолютизм» родилось из представлений о трансформации во второй половине XVIII в. системы управления большинства европейских стран под влиянием идей Просвещения, следствием чего стали масштабные проекты реформ. Считается, что, отринув представления о божественном происхождении своей власти, монархи этого времени попытались дать ей рациональное обоснование и пришли к осознанию своего долга служить «общему благу». К числу «просвещенных монархов» принято относить прежде всего прусского короля Фридриха II, австрийского императора Иосифа II и его брата Леопольда II, шведского короля Густава III, российскую императрицу Екатерину II и короля Испании Карла III. Сам термин «просвещенный абсолютизм» восходит к трудам немецких гегельянцев первой половины XIX в., считавших, что именно приверженность Фридриха II политике просвещенного абсолютизма помогла Пруссии, в отличие от Франции, избежать революционных потрясений. Дру-

гая исследовательская традиция восходит к 20–30-м годам XX в. и связана с заменой «просвещенного абсолютизма» «просвещенным деспотизмом».

В современной историографии обращается внимание на то, что само Просвещение было различным в разных странах Европы. В работах последних лет также подчеркивается, что политика просвещенного абсолютизма не означала, как правило, резкого поворота, а являлась продолжением и развитием политики предшествующего времени. В историографии не существует единой точки зрения и на хронологию просвещенного абсолютизма. Традиционно ему отводится примерно 50 лет с момента восшествия на престол Фридриха II в Пруссии (1740) и до начала Французской революции (1789), но некоторые исследователи склонны толковать это понятие расширительно, находя его черты (в том числе, например, в России) и в начале XVIII в., и в первой половине XIX в. Однако многие историки в принципе сомневаются в целесообразности использования этого понятия. Так, уже упоминавшийся Ч. Инграо отмечает, что просвещенный абсолютизм не мог существовать, даже если правители были просвещенными, поскольку они не были абсолютными. Немецкий историк Г. Бирч считает, что прежде чем применить данный термин к тому или иному монарху XVIII в., надо убедиться в том, что он действительно отверг концепцию божественного происхождения собственной власти и обосновывал ее рационалистически, что он был включен в «дискурс Просвещения», а также найти эмпирические подтверждения того, что конкретные просветительские идеи оказали влияние на практическую деятельность данного монарха и его министров. Поскольку обнаружить все три компонента, как правило, невозможно, Бирч считает использование термина «просвещенный абсолютизм» непродуктивным и заменяет его понятием «реформаторский абсолютизм». Напротив, М. Умбах полагает, что если под «просвещенным абсолютизмом» понимать процесс государственного строительства, включающий расширение и рационализацию административных структур, а также сотрудничество с элитами, то это понятие оказывается вполне пригодным для описания целей соответствующих политических режимов. В целом же, как отмечают исследователи, длительное применение термина «просвещенный абсолютизм» привело к тому, что историки все время сравнивали теорию Просвещения с политической практикой и, находя несоответствия, разочаровывались в «просвещенных» монархах. Осознав это, они стали больше внимания уделять тому, что было реально сделано правителями XVIII в., а не тому, что сделано не было, в результате чего удалось выявить многие достижения, имевшие долговременное историческое значение.

ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕ XVIII ВЕКА

На первый взгляд, с точки зрения форм политического устройства, европейское пространство XVIII в. было достаточно однообразным, поскольку абсолютное большинство стран этого времени являлись монархиями. Однако при более внимательном рассмотрении в организации политической власти обнаруживаются значительные различия. В таких странах Европы, как Франция, Пруссия, Испания, Португалия, Дания, Савойя-Пьемонт, а также

в небольших германских княжествах монархии были наследственными, переход трона от одного монарха к другому регулировался законодательством и, по крайней мере, формально королевскую власть ничто не ограничивало, кроме общих представлений об обязанности монарха соблюдать божественные и естественные законы, а также охранять жизнь и собственность своих подданных. На практике же король должен был, как правило, считаться также с интересами церкви, юридических сословий, разного рода корпораций, судебными институтами и органами местного управления. При этом в некоторых из названных стран существовали учреждения парламентского типа*, право созыва которых, впрочем, принадлежало королям. Последние стремились по возможности этим правом не пользоваться. Так, не только во Франции, как уже упоминалось, Генеральные штаты не собирались с 1614 по 1789 г., но и, например, в Португалии после 1698 г. кортесы не собирались до 1820 г. Шведский король Карл XII во время коронации 1697 г. впервые в истории страны отказался подписать королевскую присягу, которую традиционно подписывали шведские короли, сам возложил на себя корону и не созывал риксдаг в течение всего периода своего правления.

Другой тип монархии был представлен Англией, где после потрясений середины XVII в., Славной революции и принятия в 1689 г. Билля о правах, окончательно ограничившего права короля в пользу парламента, в 1714 г. воцарилась Ганноверская династия и установился период относительной политической стабильности, покоившейся на взаимном признании сложившегося политического порядка. Похожая политическая система постепенно сформировалась и в Швеции, где после смерти в 1718 г. Карла XII власть вновь перешла к риксдагу. В 1720 г. там был принят конституционный акт и наступила «эра свобод», ознаменовавшаяся борьбой политических партий «шляп» и «колпаков» и продолжавшаяся до 1772 г., когда вступивший на престол Густав III осуществил переворот и стал постепенно сосредотачивать власть в своих руках. В 1789 г. он осуществил новый роялистский переворот, издав «Акт единения и безопасности», предоставлявший ему почти неограниченные полномочия. И хотя в 1792 г. Густав III был убит, созданный им политический режим просуществовал до 1809 г., когда в Швеции окончательно установилась конституционная монархия.

Совершенно особая, выборная модель парламентской монархии существовала в Речи Посполитой (польск. *Rzeczpospolita* – республика), где король избирался на съезде (сейме) польской шляхты. При этом согласно действовавшим законам король не обладал практически никакой реальной властью, в то время как любой из членов сейма имел право наложить вето на его решения. Показательно, что с точки зрения людей того времени подобный политический режим иногда воспринимался как республиканский. К началу XVIII в. распри, которыми всякий раз сопровождались выборы очередного короля, в значительной мере ослабили польскую государственность и фактически вопрос о наследнике польского престола решался в спорах между ведущими европейскими державами, главную роль среди которых играла Россия, не жалевшая денег на подкуп участников сеймов. Попытки последнего

* Такие монархии иногда называют парламентскими, но существовавшие в них представительные органы носили сословный характер и имели средневековое происхождение.

польского короля Станислава Августа Понятовского изменить политический строй и усилить королевскую власть отчасти реализовались в Конституции 3 мая 1791 г., но поскольку соседи Польши были заинтересованы в сохранении в этой стране слабого политического режима, принятие Конституции стало прологом к окончательному уничтожению польской государственности в ходе разделов страны между Россией, Пруссией и Австрией.

Более близким к действительно республиканскому было в XVIII в. политическое устройство Венецианской республики (до 1797 г.), таких городов-государств как Генуя, Лукка и Женева, а также Республики Соединенных провинций (Нидерландов). Но и между ними было немало различий. В Венецианской республике и городах-государствах политический режим имел в значительной мере олигархический характер, т.е. реальная власть была сосредоточена в руках нескольких богатейших семейств. Верховная власть в Республике Соединенных провинций принадлежала Генеральным штатам, в которых были представлены депутаты всех семи провинций страны, а также Государственному совету. Наряду с этим сохранялись и должности провинциальных наместников – штатгальтеров (статхаудеров), которые занимали принцы Оранского дома. После смерти в 1702 г. штатгальтера Голландии Вильгельма III Оранского, который, будучи избран английским королем, осуществил англо-голландскую унию и проводил политику ущемления интересов голландского купечества в пользу английского, должности штатгальтеров главных провинций были на время ликвидированы и вновь восстановлены в 1747 г. Однако уже в конце века, в 1795 г. под влиянием Французской революции и при поддержке французских войск был свергнут последний штатгальтер Вильгельм V и провозглашена Батавская республика. В 1798 г. там была принята конституция, ликвидировавшая все сословные привилегии.

Различия в политическом устройстве разных стран не препятствовали тому, что многие из них одновременно были империями, обладавшими значительными заморскими колониями. Таковыми были, в частности, Англия, Франция, Испания, Португалия и Нидерланды. Помимо этих морских империй существовали и крупные континентальные империи: Священная Римская, Оттоманская (Османская) и Российская.

Император Священной Римской империи, чьи владения включали Австрию, Венгрию, часть Италии, Южные Нидерланды и отдельные территории Южной Европы, формально избирался курфюрстами, представлявшими германские государства (Баварию, Богемию, Ганновер, Пруссию, Саксонию и др.). Фактически же, начиная с XV в., императорский трон за редким исключением почти автоматически переходил по наследству представителям династии Габсбургов. Осложнения возникали, если, например, не оказывалось прямого наследника мужского пола. Так, после смерти императора Карла VI (1740) ему наследовала его дочь Мария Терезия, что вызвало войну за Австрийское наследство, закончившуюся, впрочем, подтверждением прав императрицы, хотя и потерявшей отошедшую к Пруссии Силезию. Верховным правителем Османской империи, владения которой простирались в Азии, Африке и Южной Европе, являлся султан, получавший власть по наследству, но не по нисходящей линии, а от старшего брата к младшему. Реальная власть, однако, находилась в руках великого везира, за чью должность шла постоянная политическая борьба, нередко заканчивавшаяся дворцовыми

переворотами. В России первый законодательный акт о престолонаследии, появившийся в 1722 г., наделял императора правом самому назначать себе преемника и лишь в 1797 г. был окончательно установлен порядок наследования престола по мужской нисходящей линии.

Исследователи политических режимов XVIII в. отмечают, что ни один из них в полной мере не соответствовал современным представлениям о демократии, поскольку даже в странах, где существовали органы представительной власти, не было всеобщего избирательного права, права человека не были законодательно закреплены, а законодательство в целом было основано на неравенстве прав отдельных социальных групп. В политической мысли XVIII в. демократия зачастую ассоциировалась с анархией и властью толпы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ГОСУДАРСТВЕ

XVIII век стал временем окончательного формирования современных представлений о государстве как автономном институте, являющемся источником легитимной власти и существующем независимо от того, кто конкретно является правителем. Эти представления постепенно, на протяжении всего столетия вытесняли в основном доминировавшую до этого патерналистскую модель власти. Впрочем, процесс этот протекал в разных странах неравномерно и трансформированная патерналистская модель еще долго сосуществовала с новыми представлениями. Важнейшую роль в их формировании в XVII в. сыграли достижения естественных наук, породившие веру человека в способность с помощью разума познавать и изменять не только окружающий его природный мир, но и устройство общества. Вера в силу человеческого разума воплотилась в трудах представителей рационалистической философии XVII – начала XVIII в. Г. Гроция, Т. Гоббса, С. Пуфендорфа, Дж. Локка и других, в которых получила развитие идея естественного права как совокупности принципов, правил, прав и ценностей, продиктованных естественной природой человека и в силу этого не зависящих от конкретных социальных условий и государства. В свою очередь идея естественного права легла в основу теории общественного договора, отвергшей представления о божественном происхождении государства и, соответственно, всякой власти. Создатели теории общественного договора утверждали, что государство возникает как продукт сознательного творчества людей, как результат договора между ними, заключая который они передают государству часть своей свободы, а взамен оно обеспечивает их безопасность, гарантирует их права и собственность. Власть и общество, таким образом, связаны системой взаимных обязательств, а также ответственностью за их невыполнение. Отсюда делался вывод о том, что, если правитель злоупотребляет властью, договор с ним общества может быть расторгнут.

В интерпретации теории общественного договора мыслителями XVII–XVIII вв. были и определенные различия. Родоначальником этой теории в Новое время считается Г. Гроций, чьи идеи были развиты Т. Гоббсом в его «Левиафане» (1651). В их трактовке государство являлось высшей ценностью, воплощением «общего блага», на которое был обязан трудиться каждый подданный, а монарх представал олицетворением государства, что служи-

ло обоснованием неограниченности его власти. Однако уже Дж. Локк («Два трактата о государственном правлении», 1690) перенес акцент с отчуждения в результате договора естественных прав человека на их обеспечение, и в его интерпретации это служило обоснованием конституционной монархии. Наиболее радикальная трактовка была дана Ж.Ж. Руссо в его сочинении «Об общественном договоре» (1762), содержащем резкую критику современных ему государственных и правовых институтов. Идеи Руссо нашли отражение в идеологии и деятельности якобинцев.

Возникновение на рубеже XVII–XVIII вв. новых представлений о сущности государства и их дальнейшее развитие на протяжении всего века Просвещения явилось не только фактом истории идей, но и результатом политических процессов. В частности, оно было теснейшим образом связано с начавшимся еще в предшествующем веке процессом становления в Европе национальных государств как государств нового типа. Одной из характерных черт этих новых государств был светский характер власти, нуждавшейся в разного рода политических теориях ради собственной легитимации и использовавших их в качестве средства управления.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ XVIII ВЕКА

Переосмысление сущности государства заставляло задуматься о наиболее эффективных способах управления и, соответственно, о путях достижения «общего блага» как его цели, порождая новые политические теории. При этом характерно, что на рубеже XVII–XVIII вв. и в первой половине столетия политические теории, как правило, являлись неотъемлемым компонентом общефилософских и даже общенаучных сочинений, а их авторы, как, например, немецкие философы Г.В. Лейбниц и Х. Вольф, соединяли размышления об организации политической власти и решении задач воспитания подданных с занятиями математикой, физикой и другими естественными науками.

Одной из наиболее влиятельных политических теорий XVIII в. явился камерализм – учение об управлении государством, во многом предшествовавшее современной науке администрирования. Основные идеи камерализма были сформулированы уже Г. Гроцием и С. Пуфендорфом, однако в XVIII в. они были развиты немецкими учеными-полицистами, некоторые из которых, как, например, И.Г. фон Юсти, занимали специальные кафедры камерализма в университетах Галле, Гёттингена, Франкфурта и др. Учение камерализма охватывало три сферы жизни общества – финансы, государственное хозяйство (экономия), понимавшуюся несколько шире, чем то, что позднее стали именовать экономикой, и полицию, под которой также имелись в виду не просто органы правопорядка, а в целом система государственного контроля и управления. Представления камералистов о государственном хозяйстве основывались преимущественно на идеологии меркантилизма, делая акцент на торговом протекционизме. Организация же административного управления, по их мнению, должна быть основана на системе отраслевых ведомств с четко регламентированной компетенцией каждого из них в строго определенной сфере общественной жизни и с распространением их власти на всю территорию страны и все категории населения. Внутренняя организа-

ция всех государственных учреждений должна быть единообразной и также строго регламентированной, как и деятельность каждого отдельного чиновника. Вся система государственного управления должна была превратиться, таким образом, в хорошо отлаженный и рационально организованный механизм, бесперебойность и эффективность работы которого обеспечивалась системой регламентов, инструкций и строгого контроля. Поскольку при этом целью государства являлось «общее благо», то необходимо было поставить на службу ему не только государственных чиновников, но и каждого подданного, для чего требовалось создать систему законов, строго регламентирующих и его не только общественную, но и частную жизнь. В этой концепции фактически не было места отдельному человеку как личности, наделенной определенными правами, – он воспринимался лишь как составная часть государства, слуга, обязанный трудиться на «общее благо».

Тип государства, основанного на идеях камерализма, принято называть «регулярным» или «полицейским» государством, но при этом надо иметь в виду, что для людей XVIII в. это наименование не было еще связано ни с какими негативными ассоциациями. Идеи камерализма получили распространение в основном в протестантских странах. Так, в Швеции еще в конце XVII в. на их основе была создана система административного управления, взятая затем за образец Петром I в России. Но особенной популярностью камерализм пользовался в Пруссии, сперва при Фридрихе Вильгельме I, а в особенности при Фридрихе II. Именно в Пруссии и в России теория камерализма оказала наибольшее влияние на политическую практику, законодательство и административное управление и в значительной мере способствовала созданию в этих странах национальной бюрократии. Однако во второй половине века популярность камерализма пошла на убыль, поскольку в экономической сфере на смену меркантилизму пришло учение физиократов, а в политической сильное влияние приобрели идеи Ш.Л. де Монтескье, представленные в его книге «О духе законов» (1748). Они оказали огромное влияние на всю европейскую политическую мысль XVIII столетия.

Развивая идеи Аристотеля, Монтескье выделял три типа организации политической власти – деспотию, монархию и республику. Выбор той или иной формы политического правления он тесно увязывал с географическим положением и климатом страны. Отвергая в целом деспотию как власть нелегитимную и разрушительную для народа, Монтескье высоко ценил республику, но при этом считал ее пригодной лишь для небольших по территории стран. Что же касается монархии, то ее основу французский философ видел в сословном строе, образуемом наделенными правами и привилегиями юридическими сословиями, причем непосредственной опорой трона, по его мнению, являлось дворянство. Однако в полном соответствии с теорией общественного договора главной обязанностью монарха он полагал заботу о благе подданных, а основным инструментом для этого считал законотворческую деятельность. Именно создание справедливых законов, обеспечивающих благосостояние и безопасность общества, становилось, таким образом, целью монархического правления. При этом Монтескье оговаривал, что эти законы должны соответствовать традициям и обычаям народа и являться письменным оформлением его естественных прав. С сочинениями Монтескье и его последователей связано и понятие «фундаментальные законы».

Само это понятие было известно и ранее, но теперь ему была дана новая трактовка: в фундаментальных законах следовало зафиксировать основные взаимные права и обязанности власти и подданных, которые и должны были составить правовую основу государства.

Важнейшим достижением Монтескье как политического мыслителя считается разработка им теории разделения властей, которая впоследствии легла в основу представлений о демократическом устройстве государства. В действительности эта идея была впервые выдвинута еще Дж. Локком, но именно у Монтескье она получила развернутое обоснование. Разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную должно было, по его мнению, обеспечить баланс политических сил и служить средством предохранения против сосредоточения власти в одних руках, а значит, и против деспотизма. С теорией разделения властей тесно связано и важное для Монтескье понятие политической свободы, сформулированное им как право человека делать все, что разрешено законом. Обеспечить политическую свободу могло, по его мнению, лишь разделение властей, ибо «когда законодательная власть объединена с властью исполнительной в одном лице либо в одном аппарате магистрата, свободы быть не может, ибо налицо законное подозрение, что сам монарх или же сенат может принять тиранические законы, чтобы затем тираническим образом заставить их исполнять». Родиной европейских свобод Монтескье считал Скандинавию, а образец обеспечивающего политическую свободу разделения властей видел в современной ему Англии и, хотя, по-видимому, знал, что сами англичане, например Г. Болингброк, достаточно резко критиковали политический режим своей страны, замечал: «Мне не пристало судить, пользуются ли англичане в настоящее время этой свободой. Достаточно подтвердить, что она санкционирована законами, а все остальное не имеет значения». Идея политической свободы, разработка которой была продолжена и другими деятелями Просвещения, была важна еще и потому, что в отличие от камерализма предполагала признание ценности отдельной личности и ее прав. Целью просвещенной монархической власти становилось уже не столько абстрактное общее благо, сколько широко толкуемая «безопасность» всех и каждого.

Идеи Монтескье очень быстро завоевали популярность и распространились по всей Европе, заложив основы представлений о правовом государстве. Они послужили отправной точкой всех последующих появившихся до конца столетия произведений политической мысли. Почитателями Монтескье были и многие коронованные особы, и практикующие политики. Так, у Монтескье были заимствованы около половины статей Наказа Екатерины II Уложенной комиссии, герцог Леопольд Тосканский на портрете кисти П. Батони изображен с книгой «О духе законов» в руках, а магистраты парижского парламента активно использовали ее лексику уже в ремонстрациях 50–60-х годов XVIII в. Знакомство с идеями Монтескье и даже усвоение лексики его сочинений не означало, впрочем, что они являлись прямым руководством к действию. Исследователи отмечают, что, хотя деятельность чиновников парижского парламента в XVIII в. отмечена ростом оппозиционности по отношению к королевской власти, усилением корпоративного духа и осознанием себя «рупором» нации, идейно их позиции практически не менялись на протяжении нескольких веков и мало изменились даже тогда, когда они стали

цитировать Монтескье, а позднее и Руссо. И Фридрих II, и Иосиф II, и Густав III полагали, что реализовать свою миссию просвещенного монарха они в состоянии, только сосредоточив всю власть в своих руках. Так, Густав III активно использовал заимствованную у Монтескье фразеологию и, в частности, понятие фундаментальных законов уже при установлении нового политического порядка в Швеции в 1772 г., утверждая что «эра свобод» на деле обернулась властью аристократии. Но одновременно он восхищался сочинением «Естественный и основной порядок политических обществ» (1767) П.П. Мерсье де Ла Ривьера – одного из видных французских физиократов, отстаивавшего абсолютную власть монарха и утверждавшего, что образование и свобода выражения откроют подданным глаза на очевидность принципов социального устройства и заставят их поддерживать законного монарха, наделенного неограниченными полномочиями. Все правление Густава прошло под знаком борьбы с представительными органами, а будущий австрийский канцлер В.А. Кауниц уже в 1750 г. жаловался, что Совет Бабаранта возомнил себя толкователем законов и даже прав короны и «стремился лишь к созданию опасной промежуточной власти между правителем и подданными по образцу, данному Монтескье».

Если камерализм как политическое учение был тесно связан с экономической теорией меркантилизма, то пришедшая ей на смену теория физиократов, считавших, что богатство государства зависит в первую очередь от сельскохозяйственного производства, охватывала не только экономическую, но и политическую сферу. По мнению физиократов, единственным законным источником государственных доходов являлись доходы, получаемые от земли. Соответственно, они выступали за свободную торговлю и низкие пошлины. Важное место в рассуждениях физиократов занимало понятие личного интереса, поскольку они считали, что только сам индивид в состоянии определить, какие именно продукты ему нужны и как именно их можно произвести. Следующий логический шаг в их рассуждениях был связан с понятием частной собственности на землю, без которой успешное развитие сельского хозяйства, по их мнению, было невозможно. Обеспечение гарантий частной собственности и прав личности трактовалось физиократами как обязанность верховной власти и, более того, ее основная функция, а государственный строй, по их мнению, должен был быть основан на природе человека. Наиболее четко эти идеи сформулированы в сочинениях Мерсье де Ла Ривьера, который в беседе с Екатериной II утверждал даже, что правителю не следует издавать какие-либо новые законы, поскольку все они уже созданы Богом. Показательно, однако, что у истоков учения физиократов стояли практические политики: руанский магистрат П. Буагильбер (1646–1714) – автор экономических памфлетов, в которых он резко критиковал теорию меркантилизма, отстаивал интересы крестьянства и сельскохозяйственного производства и выступал за минимальное вмешательство государства в экономику, и А.Р.Ж. Тюрго (1727–1781), являвшийся некоторое время генеральным контролером финансов при Людовике XVI. Однако подлинным основателем учения физиократов считается Ф. Кенэ (1694–1774) – личный врач Людовика XV и мадам де Помпадур, полагавший, что «чистый доход» дает только земля. Протеже Кенэ был другой видный физиократ, П.С. Дюпон де Немур (1739–1817), возведенный Людовиком XVI в дворянское достоинство. В 1789 г. он

стал депутатом Генеральных штатов, а в 1790 г. – председателем Учредительного собрания. Эмигрировав после революции в Северную Америку, Дюпон де Немур через Т. Джефферсона оказал определенное влияние на формирование экономической политики Соединенных Штатов, а его сын основал фирму «Дюпон», ставшую одной из крупнейших в мире химических компаний.

Еще одно течение политической мысли XVIII в. было связано с отношением к республиканской форме правления. С одной стороны, с республиками ассоциировались политические свободы, что нашло, в частности, отражение в сочинениях Дидро, Гельвеция, Даламбера и других французских просветителей. С другой – сами республики того времени демонстрировали слабость государственных институтов, упадок и власть олигархии. Впрочем, с основанием Северо-Американских Соединенных Штатов сторонники республики получили сильный аргумент, поскольку этот пример продемонстрировал возможность победы республики над монархией и установления республиканского строя не только в небольших странах и городах, причем строя, основанного на идеях Просвещения.

Важной идеей XVIII в., постепенно завоевывавшей политическое пространство, стала идея веротерпимости. Ее активными сторонниками выступали уже французский мыслитель П. Бейль, автор «Исторического и критического словаря» (1695–1697) и Г.В. Лейбниц, ратовавший за создание своего рода экуменистической «республики знаний», объединяющей ученых разных стран вне зависимости от вероисповедания. Распространению идеи религиозной веротерпимости способствовало также почти повсеместное уменьшение политического и экономического влияния церкви, а также появление идей ученых-популяционистов, связывавших благосостояние стран с размерами населения. Еще в первой половине – середине XVIII в. в большинстве европейских стран, включая Англию и Голландию, религиозные меньшинства были ущемлены в правах. В 1750-е годы последнюю волну направляемых государством репрессий испытали французские гугеноты; австрийская императрица Мария Терезия, обнаружив в Верхней Австрии небольшую общину протестантов, выслала ее в Трансильванию, а российская императрица Елизавета Петровна на предложении разрешить въезд в Россию еврейских купцов начертала: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»*. Однако уже дело Каласа 1762 г., побудившее Вольтера написать «Трактат о веротерпимости», и дело Сервена 1764 г.** в защите которого Вольтер также принял деятельное участие, стали заключительными эпизодами в истории официального преследования французских протестантов, а в 1787 г. Людовик XVI восстановил их гражданские права, ущемленные со времени отмены Нантского эдикта в 1685 г. В Англии еще в 1753 г. был принят билль о натурализации евреев, а в 1778 г. ликвидирована дискриминация католиков. Французская революция принесла гражданские права сперва французским евреям-сефардам, а затем и евреям, проживавшим на

* Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IX. № 8840.

** Негоциант-кальвинист Ж. Калас был ложно обвинен парламентом Тулузы в убийстве собственного сына, якобы желавшего перейти в католичество, подвергнут пыткам и казнен. П.П. Сирвен был ложно обвинен в убийстве своей дочери, будто бы желавший перейти в католичество, и приговорен тем же Тулузским парламентом к смертной казни.

территории Германии, оккупированной войсками Наполеона. В многоконфессиональной Российской империи с 60-х гг. XVIII в. прекращается преследование старообрядцев, а православным священникам, жаловавшимся на мусульман, строивших мечети вблизи церквей, Екатерина II велела передать: «Как всевышний Бог на земле терпит все веры, языки и исповедания, то и она из тех же правил, сходясь Его святой воле, и в сем поступает, желая только, чтоб между подданными ее всегда любовь и согласие царствовали» (подробнее см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»).

Хотя основанные на новом представлении о государстве идеи общественного договора, «общего блага», фундаментальных законов, взаимных прав и обязанностей монарха и подданных, политических свобод и т.д. составляли своего рода «мейнстрим» политической мысли XVIII в., патриархальные и патерналистские представления о монархической власти были по-прежнему сильны и широко распространены. Наиболее ярко это проявлялось, в частности, в способах репрезентации власти в разных странах, например во Франции и в России. Так, во время коронации Людовика XVI был воспроизведен традиционный средневековый обряд исцеления наложением рук короля на 2000 калек, а в России царствующие особы представляли в образах «царя-батюшки» («отца отечества») и «матушки государыни». Патерналистская модель власти воспроизводилась и на уровне семьи – в отношениях между мужем и женой, отцом и детьми.

ОСОБЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА

Как и в иных сферах общественной жизни, XVIII век – это время становления новой политической культуры, которая на протяжении столетия постепенно обзаводится собственными нормами и правилами и приобретает относительно упорядоченный вид. Этот сложный процесс был напрямую связан со становлением новых представлений о государстве и распределении ролей разных действующих лиц в формировании сферы политики. Очевидно при этом, что в разных странах изменения политической культуры шли с разной интенсивностью и зависели от национальных традиций, особенностей политического строя, а также от развития правовой сферы и закрепления в законодательстве прав отдельных политических акторов.

Поскольку большинство стран того времени являлись монархиями, важнейшая роль в политическом процессе принадлежала двору. В целом институт двора в XVIII в. достигает пика в своем развитии. Именно двор с его этикетом, наполненным важным идеологическим смыслом символическими ритуалами и церемониями в первую очередь осуществляет репрезентацию верховной власти и создает ее образ как для подданных, так и для внешних наблюдателей. При этом, даже воспроизводя средневековые ритуалы, придворные церемонии все больше теряют сакральный смысл и приобретают светский, театрализованный характер, все более наполняются политическим содержанием.

Своего рода образцом для подражания стал для Европы XVIII в. двор Людовика XIV и его преемников. Пышность, многочисленность и богат-

ство двора становятся своего рода мерилom величия страны, ее значения и влияния, а между европейскими монархами возникает негласное соревнование в придворной роскоши. В определенной степени исключение составляла Пруссия, где Фридрих II позиционировал себя в большей степени как бюрократа на троне и институт двора практически не сложился. В остальных же странах значительно возрастают расходы на содержание двора. Своеобразный рекорд в этом отношении был поставлен в Баварии, где в начале столетия расходы на двор составляли до 75% государственного бюджета. В некоторых небольших германских государствах эта цифра достигала 50%. Во Франции при Людовике XV на двор тратилось лишь в два с небольшим раза меньше, чем на армию, флот, заморские колонии и внешнюю политику вместе взятые. В России при Екатерине II расходы на двор возросли с 10,9 до 13,5% бюджета.

В силу особенностей политического устройства большинства стран XVIII в. именно двор являлся центром их политической жизни, и именно внутри него шла политическая борьба. Поскольку решающую роль в формировании политики, в особенности внешней, считавшейся занятием королей, играл монарх (именно по этой причине побудительные мотивы внешней политики многих стран этого времени по-прежнему диктовались не столько национальными, сколько династическими интересами), то и политическая борьба в значительной мере сводилась к борьбе за влияние на него и получение к нему доступа. Обеспечить его могло получение придворных должностей, которые поэтому часто ценились выше, чем должности в системе административного управления. Распределение же придворных должностей зависело как от традиций (некоторые придворные должности являлись наследственным достоянием определенных аристократических семей), так и от родственных связей и финансовых возможностей претендента. Чрезвычайно развит был институт клиентелы.

Борьба за влияние на монарха вела к разделению его окружения на многочисленные фракции, отстаивавшие, как правило, вполне определенные интересы. Поскольку при этом двор являлся не только политическим институтом, но и своего рода домохозяйством монарха и включал членов его семьи, то разные политические фракции часто группировались вокруг наследника престола, супруги монарха и т.д. Важную роль в формировании политики в XVIII в. играл фаворитизм, получивший особенное распространение во Франции и России, где вокруг мадам де Монтеспан и мадам де Помпадур, Э. Бирона и Г. Потемкина также складывались фракции, с одной стороны, обеспечивавшие их политическое влияние, а с другой – через них влиявшие на монарха. Именно фаворит нередко становился автором важным политических и иных инициатив верховной власти. Так, во Франции при поддержке мадам де Помпадур в 1751 г. была основана Военная школа (*Ecole Militaire*), в России И.И. Шувалов стал основателем Московского университета и Академии художеств, а фаворит датской королевы Каролины Матильды И.Ф. Струэнзе осуществил важные внутриполитические реформы. Однако внеправовой характер института фаворитизма нередко приводил к тому, что фаворит становился жертвой борьбы придворных фракций. Так случилось, к примеру, с отправленным в Сибирь в резуль-

тате дворцового переворота в пользу принцессы Анны Леопольдовны герцогом Бироном и с казненным реформатором Струэнзе, который был от-
решен от власти фракцией вдовствующей королевы и наследного принца
Фредерика.

Хотя в странах, где власть монарха была законодательно ограничена, политическое значение двора было не столь велико, роль монарха в определении политического курса оставалась значительной и даже такие крупнейшие английские политики XVIII в., как Р. Уолпол, У. Питт и лорд Норт вынуждены были искать поддержки не только у парламента, но и у короля. Вместе с тем в этих странах, и прежде всего в Англии и Швеции, в противостоянии вигов и тори, «шляп» и «колпаков» формируются прообразы современных политических партий и складываются нормы межпартийной борьбы.

Примечательно, что в Англии существенную роль в этой борьбе уже с начала XVIII в. играет пресса, причем не только газеты, но и знаменитые сатирические журналы, в которых публиковались политические памфлеты. Будучи по преимуществу орудием в руках политиков, пресса именно с этого времени постепенно превращается в самостоятельную политическую силу. Число ежегодно продаваемых в Англии газет выросло с 2,5 млн экземпляров в 1713 г. до 12,6 млн в 1775 и 16 млн в 1801 г. Лишь в одном Лондоне к концу века было 16 ежедневных газет. В Австрии при Иосифе II издавалось около 200 газет, а некоторые голландские газеты, например «*Gazette d'Amsterdam*», получили международную известность и широко распространялись в том числе во Франции. Развитие периодической печати привело к возникновению особой культуры кофеен, читален, баров, парикмахерских, клубов и других общественных заведений, где люди собирались для чтения газет, обмена политическими новостями и их обсуждения. Эта новая практика приобщала к политической сфере широкие слои населения, включая и тех, кто не имел правовых рычагов воздействия на нее. В свою очередь это заставляло и власть внимательнее относиться к настроениям народа, создавать специальные службы для выяснения общественных настроений и даже пытаться воздействовать на них, в том числе путем целенаправленного распространения слухов.

Английский журналист и политик Джон Уилкис (1725–1797) был политическим противником герцога Бьюта, в 1762 г. занявшего пост премьер-министра Англии. Поскольку герцог издавал газету «*The Briton*», то для борьбы с ним Уилкис основал собственную и назвал ее «*The North Briton*», что намекало на шотландское происхождение Бьюта. В апреле 1763 г. Уилкис выступил в Палате общин с яркой речью, в которой обрушился с резкой критикой на короля Георга III за подписание Парижского мирного договора. При этом он потрясал 45-м номером своей газеты, в которой опубликовал соответствующую передовую статью. Сама цифра номера газеты была прозрачным намеком на восстание якобитов 1745 г., которое принято было называть просто «45» и которому, как считалось, сочувствовал Бьют. Король счел себя оскорбленным речью и публикациями Уилкиса и приказал его арестовать. Однако позиция журналиста пользовалась в народе широкой поддержкой, и возмущенные толпы его сторонников скандировали: «Уилкис, свобода, номер 45!» Вскоре, ссылаясь на парламентские привилегии, Уилкис доказал незаконность ареста и снова занял свое место в английском парламенте.

На политической сцене XVIII в. определенную роль играли различные выборные местные и общенациональные представительные органы. Их власть, реальные полномочия и возможности формировать политику были в разных странах различны. Наиболее могущественным был английский парламент, но ничего подобного ему больше на европейском континенте не было, если не считать, конечно, польского сейма, наделенного огромной властью, но не способного ею распоряжаться. Дискриминационный характер избирательного права также не обеспечивал всенародного представительства. Так, даже в Англии примерно из 9 млн населения в конце века правом голоса обладали лишь около 350 тыс. человек. В Польше сейм избирали примерно 150 тыс. шляхтичей. Несколько иначе обстояло дело с местными выборными органами большинства европейских стран, в частности городскими, в формировании которых принимали участие почти все представители взрослого населения. Претендентам на выборные должности приходилось проводить напряженные избирательные кампании, в которых зарождались многие агитационные практики, получившие развитие в последующее время, включая распространение листовок, плакаты, граффити на стенах домов и т.д. В России местные выборные органы, наделенные хоть какими-то полномочиями помимо фискальных и полицейских, появились лишь в последней четверти века, и для того чтобы при отсутствии соответствующих традиций население осознало возможность использовать выборы в качестве рычага воздействия на власть, потребовалось продолжительное время.

Наряду с представительными органами политическим влиянием в Европе XVIII в. пользовались и действовавшие через них различные сословные, профессиональные и иные корпорации, обладавшие законодательно закрепленными привилегиями. Это были и провинциальные дворянские корпорации, и отдельные города, и купеческие и ремесленные гильдии, и церковные организации. Хотя административная власть еще в основном не приобрела самостоятельный характер, и правительство, как правило, не было в полной мере отделено от двора, все большее влияние в XVIII в., по мере осознания значения эффективного управления, приобретает бюрократия. Особенно интенсивно этот процесс шел в странах, где был взят на вооружение камерализм и где активно происходила профессионализация чиновничества.

Процессы секуляризации общественной жизни не исключили полностью из политической сферы и церковь, продолжавшую сохранять значительное политическое влияние. Одновременно с этим вопросы, относящиеся к внутрицерковной жизни, сохраняли политическое значение. Так, например, изгнание иезуитов в разных странах Европы осуществлялось светскими властями и началось с Португалии, где маркизу де Помбалу удалось обвинить их в покушении на жизнь короля Жозе I. Напротив, в России Екатерина II разрешила деятельность иезуитов ради распространения своей власти на католические общины (прежде всего отторгнутых у Польши земель) в противовес власти папы. В то же время влияние религиозных течений, как, например, янсенизма, далеко выходило за рамки богословия, формируя политические и социальные представления (см. гл. «Религия и церковь в эпоху Просвещения»).

РЕФОРМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Оптимистическая вера в возможность с помощью разума и знаний усовершенствовать организацию общества и достичь «общего блага», с одной стороны, и распространение представлений о том, что забота об этом есть обязанность власти по отношению к своим подданным – с другой, поставили в центр политики многих европейских стран XVIII в. понятие реформы. При этом важным отличием правительственных реформ этого столетия от преобразований предшествующего времени стало то, что они являлись не столько вынужденной реакцией власти на возникающие проблемы, сколько осознанной политикой по созданию новой реальности. Распространение идей Просвещения привело к тому, что население ожидало от своих правителей целенаправленной работы по совершенствованию жизни подданных, а сами правители видели в этом свой долг. Своего рода канон правителя-реформатора, как считают некоторые историки, был создан в первой четверти XVIII в. Петром Великим, сумевшим с помощью реформ превратить Россию в одну из ведущих мировых держав. Однако ожидания населения, как правило, вовсе не означали готовность к переменам, и многие реформаторские попытки наталкивались на активное сопротивление со стороны различных корпораций, социальных и национальных групп.

Интерес и тяга к преобразовательной деятельности имели два важнейших последствия. Во-первых, поскольку реформы следовало проводить, опираясь на точные знания, немало усилий было направлено на сбор разного рода сведений о своих странах, причем зачастую эти усилия инициировались и направлялись самими правительствами. В специализированных журналах по правоведению, медицине, сельскому хозяйству, естественным наукам, военному делу и другим, читателями которых были в значительной мере чиновники, а также все, кто имел досуг для чтения, печатались статьи, наполненные статистическими данными о торговле, финансах, военном потенциале, демографических показателях и т.д. Власть тратила много энергии на то, чтобы представить управляемое ею пространство своих стран в виде цифр, измерений и конкретных данных, изучая состояние дорог, мостов и водных коммуникаций, динамику цен на продукты питания и их качество, уровень образования населения, способы использования природных богатств, число нищих и бродяг, степень распространенности суеверий и пр.

Во-вторых, XVIII век стал веком прожектерства – активной деятельности по составлению разного рода проектов переустройства всего и вся, от управления государством, системы образования, судопроизводства и экономики до способов ловли бродячих собак. В эту деятельность были вовлечены представители самых разных социальных слоев, а сам проект как способ самореализации стал в XVIII в. одним из наиболее распространенных и популярных литературных жанров. Разнообразные проекты также печатались в периодической печати и в еще большем количестве подавались монархам, правителям и министрам.

Поскольку основным средством осуществления преобразований считалось законодательство, эта историческая эпоха стала еще и временем активного законотворчества, непосредственное участие в котором принимали нередко сами монархи. Однако действенность новых законов и, соответ-

ственно, соотношение между реформаторскими намерениями властей и реальностью не всегда еще хорошо изучены, следствием чего является в целом достаточно скептическое отношение историков к результатам реформ XVIII в. Впрочем, нередко исследователи ищут результаты реформ непосредственно после издания соответствующих законодательных актов, в то время как для того, чтобы они принесли конкретные плоды, зачастую требовалось довольно продолжительное время.

Именно в реформах XVIII столетия в наибольшей степени отразилось влияние Просвещения на политическую сферу. Самые впечатляющие попытки преобразований были предприняты в Пруссии, Австрии, Португалии, Дании, Тоскане и в некоторых небольших германских государствах. При этом реформам XVIII в. в разных странах были свойственны многие общие черты. Они, как правило, были многосторонними и направлены одновременно на такие сферы, как административное управление, финансы, торговлю, образование, здравоохранение, право и т.д. Ряду из них был свойственен антиклерикализм, утверждение принципов веротерпимости, расширение и закрепление гражданских свобод.

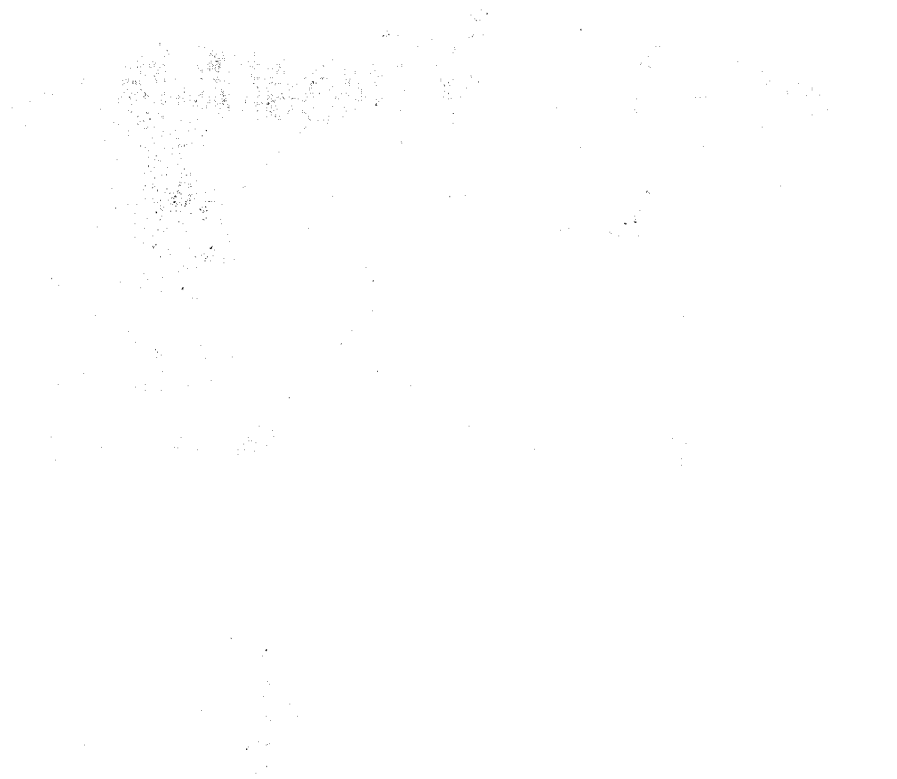
Ярким примером, демонстрирующим, при каких условиях реформы могли быть успешны, является история маркиза С.Ж. де Помбала (1699–1782), первого министра португальского короля Жозе I. Придя к власти в 1750 г., Помбал энергично взялся за дело совершенствования административного управления и упорядочения финансов. Для этого была основана регулярная полиция, сокращены расходы на содержание двора, создан особый штат сборщиков податей (которым было назначено достаточно высокое жалованье, призванное ослабить угрозу злоупотреблений), предприняты меры для заведения новых промышленных предприятий, расширены сословные привилегии купечества и ослаблена власть дворянства. Однако положение министра не было достаточно прочным, а его полномочия оставались ограниченными вплоть до Лиссабонского землетрясения 1755 г., унесшего десятки тысяч жизней. Сохранивший присутствие духа Помбал лично отдавал распоряжения, вызвал войска для поддержания спокойствия, раздавал съестные припасы и боролся с разбоем и воровством. Относительно быстро под его руководством был отстроен Лиссабон. Поведение Помбала в это тяжелое время способствовало росту его авторитета и доверия со стороны короля. Когда же он расправился с иезуитами, сперва выслав их из страны, а затем конфисковав все их имущество, он стал фактически полновластным хозяином Португалии. Возложив на правительство ту роль, которую иезуиты играли в сфере образования, Помбал основал ряд бесплатных училищ и открыл в Лиссабоне «королевскую коллегия дворян» – специальное учебное заведение для отпрысков знатных фамилий. В средних школах было введено изучение родной литературы, философии, португальских законов и учреждений, расширено преподавание математики, причем изменилась методика преподавания, создан штат квалифицированных преподавателей, приглашены лучшие преподаватели и профессора из Италии, составлены новые учебники. Венцом реформы образования стало преобразование Университета Коимбры, в котором было расширено изучение и преподавание естественных наук. Помбал также осуществил судебную-правовую (издан кодекс законов, а суд выделен в отдельную ветвь власти) и военную (усовершенствована система

комплектования армии, введена строгая дисциплина, назначено жалование солдатам) реформы.

Благодаря этим преобразованиям, опиравшимся на огромные доходы от колоний в Латинской Америке и проводившимся железной рукой, Португалии удалось отстоять свою независимость в борьбе с Англией и Испанией и после отставки маркиза в 1777 г. на какое-то время сделаться процветающей, динамично развивающейся страной. Если Помбал находился у власти более четверти века, то датскому реформатору Струэнзе было отведено лишь два года. За этот срок он успел ввести свободу печати, упорядочить деятельность высших органов правительственной власти, установить твердый государственный бюджет, усовершенствовать судопроизводство, отменить пытки, улучшить положение крестьян заменой натуральных повинностей денежными, уравнивать права граждан, отменить многие привилегии дворянства, запретить азартные игры и пр. При этом если Помбал был жесток прежде всего со своими непосредственными врагами иезуитами, то Струэнзе вообще мало считался с людьми. Так, например, сокращая государственные расходы, он уволил без всякой пенсии значительное число чиновников.

Судьбы Помбала, после отставки попавшего под суд и приговоренного к смертной казни (она была заменена пожизненным изгнанием из столицы), и Струэнзе, кончившего жизнь на плахе, наглядно показывают, что, как бы ни были широки полномочия первых министров, в конечном счете они полностью зависели от воли и поддержки своих королей. Сами же монархи – король Пруссии Фридрих II, австрийский император Иосиф II, его брат великий герцог Тосканский Леопольд, короли Сардинии Виктор Амадей II и Карл Эммануил III и другие – были более свободны, хотя и им удавалось воплотить в жизнь далеко не все свои замыслы. Успех реформ в значительной мере зависел от расстановки политических сил, от поддержки преобразований населением, а также от особенностей конкретных стран. Так, весьма различны были результаты деятельности Фридриха II и Иосифа II, которые оба были поклонниками Просвещения, примерно одинаково понимали свое назначение как правителей своих стран, оба были трудолюбивы и все свое время тратили на рутинную работу управления. В Пруссии уже при Фридрихе Вильгельме I была осуществлена реформа центрального и местного административного аппарата, основанная на принципах унификации и рационализации. Фридрих II провел финансовую и налоговую реформы, окончательно покончил с крепостным правом, ввел всеобщее начальное образование и создал образцовую, одну из сильнейших в Европе армий, резко изменив международный статус своей страны. Умирая, он оставил своему наследнику в государственной казне 55 млн талеров, сбереженных на случай войны.

Иосиф II также продолжил административную реформу, начатую Кауницем еще в правление Марии Терезии, и превратил в конечном счете управленческий аппарат империи в хорошо отлаженный механизм. Однако, в отличие от относительно небольшой и однородной в политическом отношении Пруссии, под властью Иосифа находилась обширная империя, в которой разные территории имели различный политический статус, и сделать то, что в основном удалось в России Екатерине II, т.е. распространить унифицированные принципы управления на все имперское пространство,

Фридрих Великий. Гравюра с картины В. Кампхаузена. 1872 г.

ему не удалось, в частности, потому, что это вызвало волнения в Венгрии и Австрийских Нидерландах. Несколько более успешной была его политика в отношении церкви: вслед за русской императрицей, в 1764 г. осуществившей секуляризационную реформу, император закрыл несколько сот монастырей и значительно сократил число монахов и монахинь. При этом деньги, отнятые у церкви, пошли на создание семинарий, школ, заведений для глухонемых и иные благотворительные цели. В свою очередь Екатерина II именно с Иосифом II советовалась по поводу создания в России системы начального школьного образования и именно по его совету пригласила

известного педагога Ф. Янковича де Мириево, который и разработал план реформы.

Заботу об образовании проявляли в XVIII в. многие европейские монархи, создававшие сети начальных училищ, основывавшие новые университеты и опекавшие уже существовавшие. За этой заботой, особенно в Германии, стояло осознание необходимости подготовки квалифицированных кадров чиновников. С другой стороны, заботиться об образовании подданных монарху предписывали новые, основанные на идеях Просвещения представления о его монаршем долге. Но и то и другое свидетельствовало об окончательном приобретении наукой и образованием в XVIII в. высокого общественного статуса. Более того, в той же Германии этого времени престиж того или иного княжества определялся и наличием в нем университета, а в университете – известных ученых. Поэтому, например, ландграф Гессен-Кассельский Фридрих II (1720–1785, правил с 1760 г.) не жалел денег, переманивая в университеты Марбурга и Рингельна известных профессоров из Лейпцига и других городов, соблазняя их высоким жалованьем. Впрочем, его забота об университетах простиралась столь далеко, что он фактически диктовал профессорам, чему и как следует учить студентов.

По мнению некоторых историков, гораздо больше возможностей для воплощения в жизнь реформаторских замыслов было в небольших странах, не вовлеченных в крупные международные конфликты. Пример Леопольда Тосканского (1747–1792, герцог Тосканский в 1765–1790 гг., император Священной Римской империи Леопольд II в 1790–1792 гг.) представляет собой явное исключение из этого правила. Ему удалось провести успешную судебную реформу, однако, поддержав сторонника янсенистов Ш. де Риччи (1741–1810), епископа Пистойи и Прато (1780–1791) в его намерении реформировать церковь, он столкнулся с таким сопротивлением, что вынужден был отступить. Когда же Леопольд самолично составил проект конституции Тосканы, предусматривавший ограничение его собственной власти в пользу представительных органов, он не нашел поддержки ни у местных элит, ни у своего брата Иосифа II.

НОВЫЕ ПРАВОВЫЕ ИДЕИ И ИХ ПРЕТВОРЕНИЕ В ПРАКТИКУ

Политическая мысль и философия века Просвещения придавали огромное значение закону. Именно по этой причине состояние права и судопроизводства, которые в первую очередь должны были обеспечивать права подданных и их безопасность, сделалось объектом наиболее острой критики и реформаторских усилий власти. Юристы большинства европейских стран этого времени составляли влиятельную и могущественную корпорацию, о которой Дж. Свифт в «Путешествиях Гулливера» (1726) писал, что это «многочисленное сословие людей, смолodu обученных искусству доказывать при помощи пространств речей, что белое черно, а черное бело, соответственно деньгам, которые им за это платят». Вместе с тем и в этой сфере в XVIII в. также появляются новые идеи, заложившие основу современных правовых представлений.

Процесс выработки новых подходов к вопросам права был начат уже Монтескье, который в полном соответствии с названием своей книги «О духе законов» немало внимания уделил рассуждениям о том, какими они должны быть. Принципиально важным был сам демонстрируемый Монтескье подход к закону, его убеждение, что законы не есть нечто сакральное и неизменное, они не даны раз и навсегда, но должны меняться вместе с обществом. При этом законы должны быть понятны каждому, а для этого они должны быть написаны простым и ясным языком. Путанные и противоречивые законы, написанные языком, недоступным простому человеку, считал Монтескье, бесполезны, поскольку им невозможно следовать. Особое внимание философ уделил уголовному законодательству. Законы, по его мнению, не должны быть жестоки, поскольку такие законы не предотвращают преступления, а лишь ожесточают людей. Напротив, мудрый правитель издает мягкие законы, которые смягчают нравы. Эти идеи Монтескье были откликом на уже начинавшееся, в частности в Англии, где он провел немало лет, обсуждение проблем соотношения преступления и наказания, вызванное начавшейся гуманизацией общества. Монтескье полагал, что дух законов должен соответствовать духу времени и потому, например, незачем публично подвергать преступников физическим мучениям. Характерно, что в те же годы, когда стремительно росла читательская аудитория сочинения Монтескье, английский борец с преступностью и писатель Г. Филдинг в своих памфлетах также выступал за отмену публичных казней.

Сочинение Монтескье подготовило переворот в правовой мысли Века Просвещения, но совершила его книга итальянца Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях», изданная впервые в 1764 г. и настолько быстро ставшая популярной, что уже двумя годами позже ее положения вошли в «Наказ» Екатерины II. Если книга Монтескье была философским трактатом со свойственными этому жанру сомнениями и склонностью к компромиссу, то книга Беккариа была логически выверенным, четким и однозначным текстом, основанным на принципах рациональности и предлагавшим конкретную программу реформы уголовного права. Исходя из теории ассоциации понятий, итальянский правовед утверждал, что только если наказание неотвратимо следует за преступлением, человеческий ум соединяет эти два понятия и тогда наказание выполняет свою функцию устрашения преступников и предотвращения преступлений. Но отсюда же делался важнейший вывод о соразмерности преступления и наказания. Именно неотвратимость наказания, а не его суровость способна играть превентивную роль, предупреждая преступления. Людям свойственно со временем привыкать к жестокости, и она перестает выполнять свою первоначальную функцию. Итак, наказание – это прежде всего способ сделать основанное на общественном договоре государство лучше, это мера устрашения и предотвращения будущих преступлений, а не месть преступнику, поэтому оно должно быть быстрым и неотвратимым, приговоры должны выноситься публично, а мера суровости должна соответствовать тяжести преступления. Следующим логическим шагом для Беккариа был протест против смертной казни. По существу он впервые сформулировал соответствующие аргументы, к которым с тех пор никто ничего не добавил: у государства нет права лишать людей жизни,

а смертная казнь не является ни необходимой, ни полезной для нравов общества мерой наказания.

Исходя из понятия тяжести преступлений, Беккариа предложил и их классификацию. Поскольку в конечном счете борьба с преступностью, уголовное право и система наказания имеют целью всеобщее благо, обеспечиваемое общественным договором, самым тяжким преступлением является государственная измена, предательство. Следующее по степени тяжести – это сопряженное с насилием преступление против личности или его собственности и, наконец, третье – это нарушение общественного спокойствия. Законы, определяющие наказания за эти преступления, должны быть простыми и ясными, а судьи должны не интерпретировать их, а лишь определять, нарушен ли закон и какое именно преступление совершено. При этом доказательство преступления, по Беккариа, это обязанность следствия, результат криминологической работы, и доказательства эти должны быть ясными и неопровержимыми. Отсюда выводился важнейший для правоведения последующих веков принцип презумпции невиновности. Другой вывод был связан с неприемлемостью пытки как средства дознания, не имеющего ничего общего с доказательством преступления.

Осуждая бессмысленную жестокость следствия и определяя наказание как средство устрашения, Беккариа одновременно утверждал, что для борьбы с преступностью необходимо в первую очередь заботиться о благосостоянии народа и его просвещении, т.е. бороться с социальными корнями преступности. Коснулся он и некоторых характерных явлений своего времени. Так, дуэли, считал он, могут быть искоренены, если государство обеспечит человеку защиту его чести. Необходимо отменить неэффективные наказания за самоубийства, оставив их в руках Господа. Безнравственно объявлять премии за поимку преступников, поскольку это лишь развращает общество и свидетельствует о слабости государства. Наконец, человек имеет право на защиту и потому нужно разрешить ношение оружия. Этот последний аргумент особенно пришелся по вкусу отцам-основателям США, и впоследствии Беккариа, цитировал, в частности, Т. Джефферсон.

Свой вклад в развитие правовой мысли XVIII в. внесли и англичане У. Блэкстон (1723–1780) и Дж. Бентам (1748–1832). Первый из них, автор четырехтомных «Комментариев к английским законам», появившихся в 1765–1769 гг. и вскоре переведенных на французский язык, вошел в историю как ученый-правовед, во-первых, наиболее основательно разработавший положения естественного права и, во-вторых, юридически обосновавший права собственности. Многие предложенные Блэкстоном формулировки были использованы уже в Конституции Соединенных Штатов, а ссылки на него до сих пор можно встретить в постановлениях Верховного суда США. В частности широкую известность имеет так называемая «радио Блэкстона»: «пусть лучше десять виновных избегнут наказания, чем пострадает один невинный». Собственность же, по Блэкстону, есть исключительное право одного индивидуума владеть имуществом, но обеспечиваемое и реализуемое с помощью государства. Вслед за Беккариа английский юрист считал, что уголовное право должно состоять из постоянных, единообразных и всеобщих законов, основанных на справедливости. Он критиковал беспорядочный характер принятия парламентом новых законов, нарушающий принципы

естественного права, но при этом полагал ненужной и опасной кодификацию английского права.

Оппонентом Блэкстона, сторонником кодификации и противником естественного права был Бентам, автор известного «Введения в принципы морали и законодательства» (1789). По его мнению, претензии естественного права были не более чем фикцией, общественным предрассудком, выдаваемым за всеобщее правило. Закон, считал Бентам, это производное от норм законодательства и ничего более. Истинными мотивами поведения человека являются боль и удовольствие, и потому все законодательство должно быть построено, исходя из понимания его утилитарной пользы для умножения человеческого счастья. Поскольку утилитарность являлась для Бентама ключевым понятием, он считается родоначальником утилитаризма.

ПРЕСТУПНОСТЬ И БОРЬБА С НЕЙ

Историкам неизвестны точные цифры, характеризующие размах преступности в XVIII столетии, но они сходятся в том, что практически для всех европейских государств этого времени это была одна из самых острых проблем, причем речь идет преимущественно об организованной преступности, о бандах, терроризировавших целые регионы. Распространению этого явления способствовали многочисленные войны, следствием которых становилось разорение определенных областей, обнищание населения и появление большого числа вооруженных людей, которые по окончании войны не могли найти работу или просто не способны были вернуться к мирной жизни. Так, к примеру, бандитизм стал основной проблемой Испании по окончании войны за Испанское наследство, а в России он приобрел особенно широкие масштабы с началом Северной войны.

Бандитизм представлял собой угрозу не только личной безопасности подданных, но и государству, поскольку разбойники почти безнаказанно орудовали на проезжих дорогах, нанося значительный ущерб торговле, воруя почту и уже тем более делая ненадежной пересылку денег. В Австрии пик дорожных грабежей пришелся на 1776 г., а в Англии один из современников замечал, что «если в ближайшее время не будет найдено средство для борьбы с растущим злом, то скоро англичане перестанут путешествовать». В пограничных районах и гористых местностях преступники промышляли контрабандой, а борьба с бандитизмом была особенно затруднена. Так, к примеру, знаменитый французский разбойник и контрабандист Л. Мандрен, прославившийся своей борьбой с таможенниками, был в конце концов пойман на территории Савойи и затем колесован. Примечательно, что «подвиги» Мандрена, как и его соотечественника Л.Д. Бургиньона по прозвищу Картуш, англичанина Дж. Филда и их российского «коллеги» Ваньки Каина обросли легендами, а сами они превратились в героев фольклора.

Не меньшую проблему для властей представляла собой и уличная городская, а также бытовая преступность. При этом в городах своего рода криминальными центрами становились, как правило, разного рода питейные заведения, служившие притонами разбойникам всех мастей. Возможностей для борьбы с преступностью у властей было немного, поскольку процесс

становления регулярной и сколько-нибудь профессиональной полиции, не говоря уже о сыскной службе, в большинстве европейских стран проходил как раз в течение XVIII в. Так, заслуга создания профессиональной полиции в Лондоне в 1749 г. («the Bow Street Runners») принадлежит знаменитому автору «Тома Джонса» Г. Филдингу, являвшемуся по совместительству главным магистратом города, и его брату Джону. Последний прославился тем, что, будучи слепым, мог различить по голосу около 3 тыс. преступников. По его же инициативе в 1750-е годы в Лондоне и его окрестностях были организованы конные патрули. Братья Филдинг стали также впервые издавать полицейскую газету, где печатались описания преступников и, таким образом, возникла основа для архива криминальных досье. Работа органов полиции практически во всех странах затруднялась их разобщенностью и подчиненностью местным властям. В Австрии подчинение их центральной власти явилось одной из задач реформ Иосифа II. В Англии в 1785 г. парламент обсуждал проект билля о создании в Лондоне единого полицейского управления вместо многочисленных констеблей и стражников, но отверг его, опасаясь ограничения местных свобод. Зато ирландский парламент принял аналогичное решение для Дублина. Однако в целом, особенно в первой половине века, основная тяжесть обеспечения безопасности лежала на самом населении, которое традиционно, в качестве одной из городских повинностей, должно было участвовать в охране правопорядка.

Система наказаний преступников, с которой Европа вступила в XVIII в., оставалась весьма жестокой, мало изменившейся со времен Средневековья. Практически повсюду преступников подвергали смертной казни, телесным наказаниям, каторжным работам или, как в Англии, ссылке в заморские колонии. Казни при этом по-прежнему проводились публично, собирая толпы зевак, приходивших поглазеть, как человека будут вешать, четвертовать, колесовать или сжигать на костре. Нередко на эшафот вводили сразу несколько человек – одного казнили, другого клеймили каленым железом, третьему отрубали руку и т.д. Значительно реже в качестве наказания применялось лишение свободы, да собственно и тюрьмы, как особая система пенитенциарных учреждений, стали появляться лишь во второй половине века. И лишь иногда, когда государство в этом нуждалось, преступникам заменяли наказание службой в армии.

Характерной особенностью большинства стран в XVIII в. была неупорядоченность законодательства, сосуществование норм обычного права и писаного права, а также то, что в пределах одной страны на разных территориях часто действовали различные законы. Даже Фридриху II не удалось в полной мере распространить действие прусских законов на отвоеванную у Австрии Силезию. В Испании начала века Филипп V предпринял энергичную попытку распространения кастильских законов на все остальные области страны, включая Арагон, Валенсию и Каталонию, но это почти не коснулось гражданского и семейного права, а в Наварре и Области басков местное законодательство продолжало действовать в полном объеме. Большое разнообразие законодательных норм и практик вплоть до второй половины века наблюдалось в Священной Римской империи, итальянских государствах и т.д. Помимо этого сама система судопроизводства была, как правило, весьма запутанной, поскольку судебными полномочиями обладали разные местные

и коронные учреждения, а иногда и церковные органы. Обычным явлением практически во всех странах была судебная волокита, а запутанность законодательства открывала перед судьями широкие возможности толкования законов по своему усмотрению, а следовательно, и злоупотреблений.

Не лучшим образом обстояло дело и с юридическим образованием. В основном оно сосредотачивалось в крупных, прежде всего немецких, университетах, имевших соответствующие традиции. Высоким уровнем юридического образования славились также университеты Глазго и Эдинбурга в Шотландии, и уже в 1760-е годы там у А. Смита учились русские студенты, ставшие потом первыми профессорами права в Московском университете. Во многих других странах правовое образование ограничивалось просто знакомством с законами, и судейству учились как обычному ремеслу. Качество юридической подготовки судей и адвокатов нередко вызывало множество нареканий, но, как справедливо подчеркивают историки, это говорит скорее не о том, что понизился уровень судопроизводства, а о том, что возросли запросы общества. К тому же люди, в той или иной степени имевшие отношение к этой сфере жизни, все же принадлежали к образованной части общества, и не случайно именно из этой среды вышло немало деятелей Просвещения и их почитателей.

УСИЛИЯ ПО КОДИФИКАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПОПЫТКИ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ РЕФОРМ

Вне зависимости от распространения и степени влияния идей Просвещения на правителей разных стран уже с самого начала XVIII в. большинством из них остро осознавалась необходимость привести в порядок, кодифицировать действующее законодательство, состоявшее, как правило, из множества разнообразных законодательных актов, в течение столетий принимавшихся верховной властью. В реализации этой задачи видели неперемнное условие рационализации управления и повышения его эффективности. Вместе с тем кодификационные задачи сводились не только, а иногда и не столько к систематизации существующего права, а к созданию нового, причем с течением времени, по мере того, как завоевывали популярность новые правовые идеи, именно эта задача выходила на первый план.

Своего рода пионером в деле кодификации законодательства явилась Дания, где первый кодекс, хотя и носивший традиционный характер, появился уже в 1688 г. Двадцатью годами ранее кодификационная работа началась в Швеции. Она длилась несколько десятилетий и завершилась лишь в 1734 г. принятием кодекса, также во многом традиционного, но до сих пор составляющего основу шведского права. В 1723 г. в Пьемонте был издан кодекс Виктора Амадея II, но попытки распространить его действие на все провинции королевства вызвали сопротивление, в частности миланских дворян, отказавшихся служить в армии короля именно в знак протеста против этих попыток. В Австрии в 1709 г. Иосиф I создал комиссии для выработки единого законодательства для Богемии и Моравии. В 1713 г. подобная же работа началась в Пруссии. Она также затянулась надолго, и позднее Фридрих Вильгельм I поручил ее С. фон Кокцеи, в 1738 г. занявшему пост министра юсти-

ции. С приходом к власти Фридриха II она была продолжена, и в результате Кокцеи, ставший при новом короле канцлером, получил прозвище «Геракла, расчистившего Авгиевы конюшни Прусского права». Ему действительно удалось сделать немало, но окончательно процесс кодификации в Пруссии был завершён уже после смерти и Кокцеи, и Фридриха II, в 1794 г., когда появился Пруссский генеральный кодекс.

Разрабатывавшийся в 1753–1755 гг. гражданский кодекс в Австрии отвержен не был, и работы по кодификации в этой области права растянулись до 1811 г. Зато в 1787 г. был издан основанный на принципе равенства перед законом уголовный кодекс, известный как Кодекс Иосифа II. Действие его распространялось на все немецкие провинции империи и Галицию, отменяя на этих территориях конкурирующее право и, таким образом, способствуя централизации управления. Однако распространить его действие на Австрийские Нидерланды не удалось, и после смерти Иосифа кодекс был фактически отменен. В 1751–1756 гг. шла работа над кодексом в Баварии, в 1763 г. законодательная комиссия была создана в Саксонии, в 1751 г. кодекс законов был составлен в Неаполе, а в 1755 г. – в Модене. На протяжении всего XVIII в. попытки кодификации законодательства предпринимались и в России, но так и не увенчались успехом.

Идеи просветителей в области права сказались на характере кодексов второй половины столетия, прежде всего в части смягчения наказаний. Так, Кодекс Иосифа II исключил многие религиозные и нравственные преступления; смягчением наказаний было отмечено и законодательство Фридриха II. Общей почти для всех европейских государств стала тенденция отмены пытки. Однако эта идея пробивала себе дорогу совсем непросто. Так, в Австрии в 1766 г., несмотря на усилия Кауница, Большой Совет постановил сохранить пытку и клеймение преступников и снова подтвердил свое мнение в 1771 г., в результате чего пытка сохранялась вплоть до 1787 г. Во Франции пытка как средство получения признания была отменена в 1780 г., но до 1788 г. она применялась для добывания имен сообщников уже после вынесения приговора. Екатерина II в своем «Наказе» резко осудила применение пытки и позднее запретила ее законодательно, но на практике она продолжала использоваться. Что же касается смертной казни, то впервые в мировой истории она была фактически запрещена в России в царствование императрицы Елизаветы Петровны, но затем вновь возобновлена. В 1786 г. в Тоскане смертную казнь отменил верный последователь Беккариа великий герцог Леопольд, на следующий год его примеру последовал его старший брат – император Иосиф II.

Предпринимались также попытки упорядочения и централизации судопроизводства. Еще при Марии Терезии, в конце 1740-х годов в Австрии было осуществлено разделение центральной административной и судебной власти, а затем то же самое было сделано на уровне провинций, где вместо Сенатов юстиции при местных правительствах возникли апелляционные суды, подчиненные Департаменту юстиции. В Бадене подобная же реформа была осуществлена лишь в 1790 г. Судебная реформа во Франции, которую попытался провести в 1771 г. канцлер Р.Н. де Мопу, направленная на централизацию судебной власти, была отменена уже вскоре после его отставки в 1774 г.

Тенденции, выразившиеся в совершенствовании организации судопроизводства, смягчении наказаний, отмене пыток и даже смертной казни, были связаны не только с распространением новых идей и смягчением нравов, но и с более сложными изменениями общекультурного характера, в том числе некоторых нравственных и эстетических представлений. Одним из таких характерных для XVIII в. явлений было расширение сферы частной жизни – приватного как оппозиции публичному. Менялось и отношение к смерти и человеческому телу. Если прежде акт смерти зачастую носил публичный характер и у постели умирающего собирались все домочадцы, включая слуг, а иногда даже случайных прохожих, то теперь смерть становилась частным, семейным делом и лицедреть ее слуг уже не допускали. Кладбища постепенно теряли свою функцию места публичных гуляний, и их все чаще переносили за границы города. Изменения в быту, улучшение условий жизни, появление понятия комфорта делали человека более чувствительным к боли и вызвали отвращение к физическим страданиям, что также повлияло на представления о правильном наказании. Характерно в этом отношении изменение восприятия публичных казней. С одной стороны, они теряли первоначальную функцию морального урока, когда обязательным элементом церемонии было публичное покаяние преступника. Постепенно привыкшая к виду смертной казни толпа стала воспринимать ее как своего рода празднество, приобретающее карнавальнй характер. Осужденному на казнь, которого, как правило, проводили по улицам города, зрители подносили вино, сам он облачался в яркое праздничное платье, нередко отпускал острые шутки и веселил толпу. В результате в Лондоне в 1783 г. было отменено существовавшее несколько веков традиционное шествие, сопровождавшее преступника к месту казни. С другой стороны, представители образованных слоев общества все больше испытывали ужас и отвращение не только при виде казни, но и ее атрибутов. Так, в Голландии еще до того, как в 1795 г. публичные казни отменили вовсе, по требованию горожан были уничтожены сделанные из камня постоянные плахи и теперь для казни всякий раз сколачивали новую деревянную. Изменения в общественных настроениях сказывались и на числе выносимых смертных приговоров. В Амстердаме в первой половине века в год приговаривали к смерти в среднем пять человек, а во второй – трех.

В целом с начала XVII и до середины XVIII в. система наказаний претерпела значительные изменения, в центре которых находилось появление института тюрьмы. Сами тюрьмы как места лишения свободы, конечно же, существовали и до этого, но использовались почти исключительно в качестве мест предварительного заключения для содержания преступников до вынесения им приговора. Как форма наказания за преступления тюрьмы не рассматривались. При этом общество практически не задумывалось над условиями содержания: в одном помещении, как правило, находились мужчины, женщины и дети, убийцы, мелкие воришки и должники. Заключенных свободно посещали родственники и знакомые, распивавшие с ними спиртные напитки и игравшие в азартные игры. Стражники водили в тюрьмы проститутки и всячески наживались, оказывая своим подопечным всевозможные услуги. Современники отмечали, что в тюрьмах того времени заключенных

можно было отличить от всех прочих лишь по цепям, которыми их приковывали к стене.

После вынесения приговора, если он не был смертным, преступников часто отправляли на принудительные, каторжные работы. Во Франции местами скопления каторжников были в основном крупные портовые города, как, например, Марсель. В Англии, начиная с 1776 г., создавались плавучие тюрьмы на Темзе, в Портсмуте и Плимуте. Днем каторжники работали в порту, а на ночь их, закованных в кандалы, отводили на корабли. Помимо этого широко распространены были и особые учреждения тюремного типа – исправительные и работные дома, отличавшиеся от обычных работных домов тем, что труд в них был не добровольным, а принудительным. При этом в обществе все в большей степени складывалось убеждение, что мелкие преступления должны наказываться главным образом именно принудительным трудом.

Исправительные и работные дома, приюты для нищих и дома для умалишенных, богадельни для престарелых и немощных – все эти и им подобные учреждения образовывали единую систему, выполнявшую, с одной стороны, функцию социальной заботы о подданных, а с другой – социального дисциплинирования населения. В подобных заведениях царил строгая дисциплина, вся жизнь в них была регламентирована и организована на патерналистских принципах: их обитатели образовывали общину по типу семьи во главе с главным надзирателем. Наибольшее развитие эта система получила в Англии, где еще в 1601 г. было впервые принято законодательство о бедных. В 1662 г. появился Акт об облегчении положения бедняков, но само «облегчение» было организовано по приходскому принципу и распространялось только на тех, кто имел родственные связи в определенном церковном приходе. В 1696 г. в Бристоле специальным парламентским актом была создана Корпорация нищих, основавшая работный дом, совмещенный с исправительным домом для лиц, совершивших мелкие преступления. Этому примеру последовали другие города, и к 1776 г. существовало уже около 2 тыс. подобных заведений, в которых обитали около 100 тыс. человек. В Лондоне в исправительный дом был превращен отстроенный в 1666–1667 гг. после Большого пожара дворец Брайдуэлл. Показательно, что в нем в течение семи дней содержались и пойманные полицией нищие, которых затем высылали в их приходы.

В XVII – начале XVIII в. в разного рода исправительных учреждениях содержали не только преступников, но и тех, кого было необходимо изолировать от общества, в том числе по просьбе родственников. Зачастую, если это касалось людей состоятельных, они не работали, а за их содержание вносилась плата. Однако по мере распространения идеи принудительного труда в качестве наказания становилась очевидной необходимость создания для преступников особых мест заключения. Это и стало одной из побудительных причин возникновения тюрем современного образца. Одновременно с этим, по мере развития идеи свободы, формировалось и представление о том, что лишение ее также может быть формой наказания преступника. При этом признание завоевала и мысль Беккариа о том, что не следует наказывать дважды за одно и то же преступление, а значит, тюремное заключение должно представлять преступникам сносные условия существования и не должно превращаться в форму пытки. Ставший в 1773 г. главным шерифом Бедфордшира

Дж. Говард впервые начал самолично посещать местные тюрьмы и, придя в ужас от увиденного, объехал затем несколько сот подобных заведений по всей Англии, дабы убедиться, что то, с чем он столкнулся, было свойственно не только подведомственным ему учреждениям, но и всем им подобным. В 1777 г. он опубликовал сочинение под названием «Состояние тюрем», в котором подробно описал увиденное. Особое внимание автор обращал на необходимость создания в тюрьмах условий, препятствующих распространению болезней и не дающих возможностей надзирателям наживаться на заключенных. Выступление Говарда имело большой резонанс в английском обществе и послужило толчком к тюремной реформе, результатом которой стала система тюрем современного типа.

Большую популярность в этот период приобретает также идея одиночного заключения как наиболее адекватной формы наказания закоренелых преступников. В 1793 г. американец К. Лаунс опубликовал памфлет, в котором подробно обосновывал эту идею, и уже в 1796 г. законодатели Нью-Йорка предоставили судьям право выбора между изоляцией преступников в одиночных камерах или приговором их к тяжелому физическому труду. В самом начале XIX в. в Массачусетсе преступников приговаривали к отбытию части срока в одиночной камере, а части на каторжных работах. К. Лаунс был инспектором знаменитой тюрьмы на Уолнат-стрит в Филадельфии, которая считается одной из первых в мире тюрем нового типа. Она была специально перестроена после того, как в 1787 г. было основано Филадельфийское общество облегчения ужасов общественных тюрем, представившее местным властям отчет о ее состоянии. В тюрьме были построены специальные камеры для одиночного заключения, созданы мастерские для заключенных, приняты меры по улучшению санитарного состояния, произведено разделение преступников по категориям, с тем чтобы совершившие тяжкие преступления не находились вместе с остальными. Впрочем, быстрый рост населения Филадельфии привел к тому, что к 1795 г. в небольших камерах теснились от 30 до 40 заключенных.

Наряду с общей тенденцией гуманизации судебного процесса и системы наказаний конец XVIII в. отмечен и появлением противоположных взглядов, наиболее ярким представителем которых был Дж. Бентам. Он выступал за максимально жесткий, хотя и не угрожающий здоровью, режим содержания заключенных. Свои представления он воплотил в проекте так называемого Паноптикона – тюремного сооружения, построенного таким образом, чтобы каждый заключенный находился под ежеминутным контролем надзирателя.